

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Москва, комсомолка, 2002-5.01.14 - С.2.

— Когда я в первый раз брал у тебя интервью, ты был просто Иваном Охлобыстиным. Теперь я даже не знаю, как к тебе обращаться. На "ты" или на "вы", в соответствии с духовным саном?

— Друг мой возлюбленный! Если вылить весь бразильский кофе, который мы с тобой выпили за беседами, в Москву-реку, то она выйдет из берегов и станет Амазонкой. Так что, наверное, органичнее всего от тебя будет услышать: "Как твои дела, отец Иоанн?" Если же ко мне обратится человек незнакомый, то я бы предложил все-таки — на "вы". В соответствии с обычным гражданским этикетом.

— Не скрою, многие, в том числе и я, поначалу восприняли твой уход в религию как оригинальную шутку, блестящий PR-ход бесшабашного драматурга и актера. Если немного окунуться в предысторию...

— Многие и сейчас воспринимают это лишь как очередную экстравагантную выходку с моей стороны. Это не так, но что поделаешь: у меня отвратительная биография. Хотя, с другой стороны, нельзя забывать, что и в рай первым вошел разбойник. Правда, благоразумный. Именно благоразумия я и пытаюсь сейчас вымолить у Господа.

— Отец Иоанн, ты не первый из кинознаменитостей обратил столь пристальное внимание на религию. Я могу привести еще немало вполне конкретных имен. С чем это связано — всего лишь мода или некая душевная потребность?

— Наверное, люди творчества, в силу дарованного им Богом таланта, немного острее реагируют на вопросы, которые ставит перед нами время. Некоторые норовят вложить в одну жизнь еще несколько, а некоторые смотрят за горизонт и видят свое будущее не в достижениях парфюмерной промышленности, а в развитии сил духовных. В конце концов, флакон официального инвестора Церкви сатаны в Америке "Хэд энд Шолдерс" на тот свет не заберешь, а любовь к ближнему — обязательно.

— Как восприняло тебя духовенство? На мой взгляд, это закрытый мир, каста со своей жесткой иерархией, особой символикой отношений. Одно дело — верить в Бога и совсем другое — служить ему.

— Не скрою, отношение родового духовенства ко мне неоднозначно, но с каждым днем друзей становится все больше: отец Владимир Волгин, отец Димитрий Смирнов, архимандрит Геннадий (Гоголев), отец Алексей Волосенко, отец Роман Зайцев и многие другие. Духовенство в основной своей массе — люди добрые, умеющие понять и помочь. Однажды один старец через моего друга, священника отца Андрея Сапунова, передал мне: "Ничего не бойся..." и кое-что еще, о чем говорить пока я не вправе.

— Ты служишь, однако никто — даже сам Господь Бог — не сможет запретить тебе заниматься творчеством. Одно другому не мешает?

— Мы созданы Богом по его образу, а Господь — сам Творец. Почему же в таком случае творчество считается чем-то противоестественным? Что мешает человеку воспеть дружбу, преданность, красоту? Главное — не забывать, что все созданное тобой внушил тебе Бог. Да и принцип верующего и творческого человека "Не изврати" похож на клятву Гиппократова "Не навреди".

— Так почему же актеров хоронили не на кладбище, а за его пределами?

— Очень многогранный вопрос. Сам решаю. Неприятие верующими театра базируется на знаменитой проповеди Иоанна Златоуста. Но следует напомнить, что Иоанн Златоуст жил во времена, когда на сцене могли ради забавы резать раба. По нынешним же временам театр представляет собой зрелище гораздо более уважаемое, нежели телевидение или кино. Есть мало кому известная статья моего сердечного друга диакона Андрея Кураева "Апология театра". Ее центральная мысль такова: идеалы языческого мира отстаивал Гомер на подмостках театров в христианском окружении, а сейчас пьесы Пушкина, Достоевского, Чехова отстаивают христианские идеалы в окружении мира постмодернизма — по сути того же язычества.

Лично я бы сейчас рекламщиков за оградой хоронил, вместе с рекламируемой ими продукцией — стиральными порошками, таблетками от импотенции и тампаксами...

— Духовенство — люди весьма и весьма просвещенные, несмотря на то что советские власти пытались вбить в наши головы обратное. Тебя вообще можно назвать священнослужителем двадцать первого века. Владеешь Интернетом и всеми другими необходимыми атрибутами и "мультиками" современной цивилизации. Вообще, как смотришь нынешняя Православная церковь на необратимый технологический прогресс и современную науку?

— Православная церковь предельно реалистично смотрит в будущее. Мы понимаем, что глобализация, клонирование и еще многое другое неотвратимо. И готовимся из всех сил достойно, не изменив Христу, встретить грядущие изменения мира. Многие нас настораживают, как, впрочем, должно настораживать любого здравомыслящего человека. Бывает, что мешок с сахарным песком можно превратить в бомбу, — зачем тогда говорить о том, что нам известно только на один процент из ста? Поживем — увидим...

— Во что сейчас вообще верить молодым людям?

— В Бога, все остальное приложится.

— Даже сейчас, став лицом духовным, ты не перестал фонтанировать разнообразными, порой фантастическими идеями. К примеру, освящать космические корабли, уходящие на орбиту, или отправлять в космос Евангелие на старославянском... Что от тебя еще можно ожидать?

— Почему бы и не освятить, как дом или как самолет, космический корабль? Ведь в нем будут длительное время находиться живые люди. И заметьте — серьезно рисковать. Дополнительная помощь им не помешает. А Святое Евангелие на старославянском? Ну, в конце концов, и в космосе первым оказался русский человек. И потом — мало ли, вдруг именно Евангелие будет первым знанием о нашей цивилизации у представителей других миров, в существование которых мне лично верится с большим трудом. Но я пастырь и не могу быть беспечным.

Позволю себе рассказать историю об одном знакомом пожиллом батюшке. Очень боялся отец Савва прилета инопланетян, поскольку в приходских кругах было такое устойчивое мнение, что их нет.

— Конечно, не смею фантазировать на эту тему, — вздыхал он за чаепитием в монастырском саду. — Но представляется мне, что лукавый — не творец и сам вряд ли иные миры замыслил.

— Как же так? — возмущал его извечный оппонент отец Георгий. — Совершенно очевидно, маленькие зеленые человечки — суть бесы. Их надо просто осенить крестным знаменем, и они немедленно испарятся.

— Дай бы Бог! — кивал отец Савва, но добавлял: — А вдруг не испарятся? Что же мне тогда, на старости лет кроме латыни еще и марсианский постигать?!

— Я прослышал, Путин награждал тебя золотыми именными часами.

— Да, сей приятный казус имел место быть. Храню часы в столе, чтобы не поцарапать, и гадаю, что означает формулировка "За заслуги перед Отечеством". Ума не приложу, за какие именно. Может быть, они имели в виду моих четверых детей? Ну, тогда пусть готовят орден: мы с женой ждем пятого.

— Отец Иоанн, ты продолжаешь заниматься кинематографом. Но сейчас, похоже, обретаешь в нем новую жизнь. Что за идея — "Жития святых"?

На Рождество всегда ожидаешь чуда. А еще — подарков. Чудный подарок преподнес мне отец Иоанн, в миру Иван Охлобыстин. К сожалению, его общение с прессой сведено до минимума: сан священнослужителя не позволяет излишней публичности. Я много раз просил личной аудиенции, но отец Иоанн, несмотря на добросердечное ко мне отношение, был непоколебим: "Прежде чем давать интервью или что-то написать в прессе, я должен испросить благословения патриарха". Осенью прошлого года благословение было получено — отец Иоанн стал автором богословской рубрики в журнале медиахолдинга "МК" "Деловые люди". А в канун православного Рождества согласился и на интервью для самого "Московского комсомольца".

ЖИТИЕ ОТЦА ИОАННА

В скором времени в большой семье отца Иоанна ожидается прибавление.

— Много лет я мечтал экранизировать "Жития святых" Святого Дмитрия Ростовского: 365 серий — на каждый день, чтобы русские люди знали, какому святому молиться в этот день и как сам святой, собственно, и стал святым. Я уверен, что такое знание многим поможет найти путь к собственному сердцу, а оно ему, в свою очередь, подскажет, как поступить в той или иной ситуации. К сожалению, на данном историческом этапе русские люди патологически безграмотны в этой области, что не делает нам чести — ни государству, ни персонально каждому. Пока я при финансировании компании "Вестмаркет металл" снял две серии — "Даниил Московский", "Феодор Ушаков". Будем надеяться, что дело продолжится и дальше.

— Вообще у русских людей, похоже, весьма смутное представление о православии. Дилетантство и незнание предмета просто бросаются в глаза.

— К великому сожалению, это действительно так: 70 лет общественного отчуждения Церкви сделали свое дело. Чтобы наверстать упущенное, нам еще потребуется лет двадцать. Необходимо воспитать целое поколение талантливых проповедников, умеющих внятно объяснить предмет любой аудитории. Пока же те, кто уже сейчас мог бы это делать, вынуждены заниматься поисками средств на ремонт храмов и содержание детских приютов.

Кстати, о приютах и благотворительности. Вот случай из нашей повседневной жизни: руководство игорного дома "Корона" решило как-то поставить ящик для пожертвований для детского приюта "Павлин" на Тимирязевской. Генеральный директор казино г-н Фролов (к слову, очень порядочный и серьезный человек, несмотря на всю пикантность руководимого им учреждения) лично спланировал ящик, его изготовили и поставили у касс для обмена фишек. Каково же было его изумленное недоумение, когда через месяц при вскрытии ящика в нем оказались 87 рублей 40 копеек и чья-то клубная карточка. А какие были надежды! Покупка новогодних подарков, ремонт отопительной си-

стемы приюта и прочая... Так что с благотворительностью у нас тоже по нулям. Нет культуры, нет мотива.

— Иван Охлобыстин десятилетней давности сильно отличается от нынешнего — уже 2002 года? Говорят, смена тысячелетий основательно меняет человека.

— В том тысячелетии у меня была жизнь, а в этом — началось житие.

— Бытует мнение, что твоя нынешняя паства состоит исключительно из промышленников, политиков и прочей элиты, а для обычного человека ты недоступен.

— Чувствую. У меня очень разношерстная аудитория пастырского общения, состоящая из представителей всех сословий. Иначе и быть не может: сам-то я вырос в деревне и до сих пор грешу пристрастием к жареным семечкам больше, чем к устрицам и "Мадам Клико".

— Опять же, возвращаясь к вопросу о неожиданности твоих поступков. Как ты решился поехать в Среднюю Азию — тамошний климат мог убить твою жену, ведь у нее гепатит С?

— Все очень сложно, и мне не хотелось бы пока разглаживать на большую для меня тему. Пока мы с женой и детьми в России.

— Отец Иоанн, ходит слух, что тебя в Азии специально, по личному приказу патриарха Алексея, рукоположили в священники и подготвили для работы в Управлении делами Президента РФ советником?

— Единственное, что могу сказать, — советником мне предложили стать само управление в лице директора департамента по PR, а рукополагал меня архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (Иким).

— Я полагаю, духовенству приходится отвечать на весьма необычные вопросы паствы. Она сильно изменилась, как изменился и сам мир. О чем сейчас советуется со священником?

— О чем только не советуются. Но о серьезном — редко. В основном глупые приметы типа "потерял

крестик — все пропало?". Никто пока не спросил: а Бог-то, батюшка, правда есть? Я бы его тогда рассцеловал и сказал: "Есть, любимый ты мой человек! Есть! Хотя бы потому, что есть такие люди, как ты, с таким вопросом. Единственным, на который обязательно нужно найти в своем сердце ответ. Тогда и остальных вопросов не появится. Тем более о приметах..." Невольно вспоминаю свою любимую бабушку Марию, Царствия ей Небесного. Она говорила: "Все приметы к деньгам".

— Как сам ты относишься к материальным благам: обходишься минимумом или при случае не прочь пороскошествовать?

— Я всегда много работал и толком не научился экономить.

— Но сейчас ты же еще и кормилец семьи.

— Работаю больше и другим советую. Очень помогает от ипохондрии.

— Ты свое детство провел в Тушине — одном из самых хулиганских московских районов. Я помню эту строчку: "Все вокруг порушено — осталось только Тушино". Встречаешься со старыми друзьями? Как они?

— Увы, очень редко. Чего, признаться, стыжусь. Но Тушину так и не изменил пока. К сожалению. Вот ходил к префекту просить дополнительную жилплощадь: устала моя семья в три смены на одной ноге завтракать. Он принимал меня очень душевно, но с сожалением констатировал, что жилья свободного нашей префектуре не выделяют и не будут, хоть убей.

Не хитят, видно, чтобы тушинцев стало больше. А ведь Тушино — самый безопасный район столицы. Если, предположим, идешь ты ночью по центру, а навстречу тебе движется хмельная компания подростков, то у тебя в голове рождаются два варианта: либо перейти на другую сторону улицы и ретироваться, либо нет. В Тушине такого вопроса не возникает: правильный только первый вариант. Оттого тушинцы, по статистике, живут на семь лет дольше остальных москвичей.

— Отец Иоанн, в тебе живет дух противоречия?

— Боюсь, что да: я дважды приходил в магазин покупать "Волгу" и дважды покупал "Ниву".

— Ну и как помпа? Неужели у священников они не горят, как у обычных мирян?

— Перед Богом все равны — естественно, со временем пришлось заменить.

— Самая большая опасность для человека, по моему, — отстать от жизни. Пролежал полгода на диване — и упустил ее навсегда. Ты этого не боишься?

— Боюсь, наоборот, — так и не прилеж.

— Мы встретились накануне православного Рождества. Что для тебя самого Рождество?

— Рождество для меня — двойной праздник. Во-первых, рождение моего Спасителя; во-вторых, на Рождество меня рукоположили в священнослужители.

— О каком подарке на Рождество мечтаешь, что сам бы подарил?

— О полтора миллионах долларов на восстановление храма Премудрости Божией на Софийской набережной, где служил настоятелем мой духовный отец Владимир Волгин, и четырнадцать фарфоровых зубных, взамен мною утраченных в автокатастрофе под Дублином.

— Откуда в тебе это первозданное качество — глядеть на жизнь с ироничной улыбкой?

— Не иронично, но радостно — радуюсь я, ибо приблизился Царствие Небесное! Во всяком случае, и так тоже я понял слова Священного Писания.

— Но о чем-то ты все-таки сожалеешь?

— О том же самом. И радуюсь, и сожалею. Царствие приблизилось, а я пока не изменился. Но слава Господу, что Он справедлив, иначе я бы так и остался лежать среди обломков "Харлей-Давидсона" в канаве под Дублином и не имел бы возможности в сани пресвитера со страниц этого издания пожелать людям на Рождество любви, терпения и, что самое главное, — Спасения души.

Станислав КОМАРОВ.

Охлобыстин Иван.

6.1.02.